

ИНТЕРВЬЮ С АКАДЕМИКОМ Е.П.ЧЕЛЫШЕВЫМ

Алексей Козырев · Россия, Moscow, Москва

Поздравил с Днем Победы Евгения Петровича Челышева, участника Парада Победы 1945 года, военного летчика, стрелка-радиста, начинавшего войну на П-2 в 1941 году, участника битвы под Москвой, выдающегося ученого, академика Российской академии наук, филолога-индолога, В годы Великой Отечественной войны Евгений Петрович прошел Смоленщину, Калининский и Западный фронты, Северный Кавказ, Сталинград, Белоруссию, Литву. Евгений Петрович долгое время являлся Председателем общества российско-индийской дружбы, был академиком-секретарем РАН, стоял у истоков Конгресса Соотечественников в начале 90-х. Ныне он - председатель Комиссии РАН по охране природного и культурного наследия, заместитель председателя Совета по русскому языку при Президенте РФ. Кавалер двух Орденов Красной Звезды (1944, 1949), орденов "За заслуги перед Отечеством" III и IV степеней, ордена Отечественной войны, ордена Почета. В свои 95 лет Евгений Петрович бодр духом и сказал мне, что Победа в той войне остается для него самым ярким событием в его жизни.

В 2010 году мы опубликовали в журнале "Сократ", в номере под названием "Война, память, Победа", интервью с академиком Е.П.Челышевым. Думаю, сегодня уместно разметить здесь полный текст беседы с ним, записанной в 2010 году:

Евгений Петрович Челышев: ... с войны привез аккордеон, вот у меня и сейчас он есть, «Миранда».

А.П.Козырев. Немецкий?

Е.Ч. Нет, итальянский.

А.К. Вы как трофей его в Германии взяли?

Е.Ч. В Германии, да. Из Восточной Пруссии приехал я сюда. Я даже не знал, по музыке ли я пойду? Я пел очень неплохо, руководил ансамблем. У нас поющая эскадрилья была, помните «В бой идут одни старики?» Играл я на мандолине, парень на баяне играл, пели военные песни.

А.К. Вы в авиации служили только в начале войны?

Е.Ч. А потом меня перевели в разведку, но тоже в авиации, с немецким языком.

А.К. А откуда вы так хорошо немецкий знаете?

Е.Ч. Мама моя была из бывших, из потомственных почетных граждан, с бонной-немкой воспитывалась. Она была дочкой очень богатого купца первой гильдии, Соколова.

Когда начали сбивать немецкие самолеты в январе 1942 года, когда рванула там наша ударная армия генерала Пуркаева под Великими Луками, когда котлы образовались на Калининском фронте с окруженными немцами – Демянск, Старая Русса, Холм, стали немцы туда летать бросать им оружие, теплые вещи, продовольствие, вот здесь наша авиация, старая уже, новая то вся сгорела в самом начале войны, уже прошло несколько месяцев, когда вся наша современная новых образцов авиация либо на аэродроме сгорела, немцы ее разбомбили, я как раз попал, остался «безлошадником». Я летал на П-2 стрелком-радистом.

А.К. П – это что?

Е.Ч. Петляков. Двухкилевой. Двухмоторный бомбардировщик. Меня взяли из Института химического машиностроения, куда я поступил после окончания школы, война в Финляндии была довольно неудачной, поэтому всех забрали в армию, поступил в Институт, не поступил. Я окончил в 1939 десятилетку, поступил в институт химического машиностроения и был приказ наркома, что всех студентов, которых приняли в институты, направить в школы среднего командного состава. Всего за 8 месяцев я окончил сержантскую школу. Стрельба из пулемета, радиосвязь, сбрасывание бомб.

А.К. Говорят, что война в Финляндии была неудачная. Почему? Границу то ведь отодвинули?

Е.Ч. Она была неудачная, потому что огромные потери. Политический результат тоже был неважный, потому что мы перед всем миром осрамились, наврали, что финны на нас напали. Конечно, не финны на нас напали, а мы начали линию Маннергейма прорывать, в лобовые удары били, а Франция, Англия и Германия

им помогали. Там была единственная удачная операция – форсирование Финского залива по льду, и возглавлял ее генерал-лейтенант Кирпонос, который потом был командующим Киевским военным округом и застрелился, когда немцы окружили нашу группировку в августе 1941 года. Это был наш очень серьезный провал в начале войны, когда немцы форсировали Днепр. Все время у Сталина спрашивал Кирпонос, командующий фронтом, «разрешите отойти за Днепр и сдать Киев». Сталин: «ещё что придумали, держаться!» А держаться уже невозможно было. И вот на Финской этот Кирпонос шел во главе дивизии, когда форсировали Финский залив и вышли к Выборгу, финны никак этого не ожидали и после этого начали отступать от линии Маннергейма и 12 марта 1940 г. Подписали мирный договор, в результате которого отошла к СССР часть финской территории, потому что в 30 км была граница от Ленинграда, действительно очень опасное было место. Мы предлагали отдать им территории в Карелии, а они не хотели, потому что это для них тоже было стратегическое место.

Е.Ч.: Кроме того, что я занимаюсь историей Великой Отечественной войны, я ещё председатель Совета ветеранов РАН. Мы стали решать, что должна сделать Академия для юбилея Победы? Решили, что будем издавать наиболее интересные мемуары участников-войны ветеранов, членов Академии, которые ещё живы или уже ушли из жизни. Мой интерес к истории Великой Отечественной войне не любительский: есть публикации на эту тему, я принимаю участие в различных форумах по военно-исторической проблематике. Я являюсь также сопредседателем Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, одной из важнейших задач которого является изучение истории Великой Отечественной, а также вхожу в состав Главной Редакционной Комиссии по подготовке фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.»

А.К.: У меня как раз вопрос об этой 12-томной истории, которую вы готовите. Была масса изданий по Великой Отечественной, подготовленных в советское время. Официальный патриотизм был идеологией. Что не так? Зачем нужно

писать новую историю?

Е.Ч.: Когда Путин вызвал Сердюкова два с половиной года назад для того, чтобы поставить задачу заново написать историю войны, он сказал: «чтобы не было никакого вранья». И вот началось с того, что они сразу стали умалчивать о Сталине. Но он же был Верховным Главнокомандующим. И выступали так называемые «вопрекисты»: что немцев мы победили вопреки Сталину. Вот странно: Сталин не воевал что ли, или вредил, или пьянствовал?.. Он командовал, но почему-то сейчас боятся это сказать. Имя Сталина связано с преступлениями, поэтому все неудачи, всякие заговоры перекладывают на него. Либералы сейчас, как только услышат имя Сталина, начинают кричать, что он был негодяй, преступник...

А.К.: Получается, что ради того, чтобы похоронить Сталина, они готовы похоронить Великую Победу? Но ведь есть среди них люди умные и, я бы даже сказал, русские. Вот, к примеру, писатель Астафьев... Талантливый и совестливый. Как можно купить человека? Не за деньги же он продавался.

Е.Ч.: Нет, конечно, но его убедили: вот, смотрите сами, сколько было преступлений, ГУЛАГ, Сталин — злодей... Ельцину это было важно, так же как и Хрущеву в 56-м на XX съезде, чтобы отмыться самому. Чтобы самим выйти чистенькими.

А.К.: У католиков есть юридическая теория искупления – сколько нужно заплатить, чтобы искупить первородный грех - отсюда же идея индульгенции... В рассуждении о войне приемлем ли вообще такой юризм? Допустим, правомерно положить пять миллионов народу, неправоммерно двадцать... Сейчас все разговоры о Великой Отечественной войне идут в основном в таком юридическом ключе: сколько позволительно угробить граждан. Мы слышим названия передач по телевидению «Алтарь победы». «Цена победы»... Оправдан ли, на Ваш взгляд, такой подход?

Е.Ч.: Наполеон уничтожил всё мужское население Франции, причём во имя чего? Во имя завоевательных войн. Мы понесли огромные потери во имя защиты нашей

Родины. Наполеон сейчас во Франции — великая фигура, попробуйте, скажите что-нибудь плохое о нём во Франции. Поймите, я не сталинист, я сам из «бывших», из репрессированных. У моей жены отец был Татаржицкий, полуполяк, полурусский, его расстреляли в 37 году вместе с Тухачевским, нашли фотографию, где он стоит рядом, он воевал в Гражданскую войну против поляков с Тухачевским. Вокруг меня летели головы, потому что я жил в этот период, принадлежал к «бывшим». Нас не тронули, отец рано умер, мне было полтора года, осталось еще у матери двое приемных детей от первого брака отца. Только выгнали из квартиры, у нас осталось вместо пяти комнат две.

А.К. Вам не помешали получить образование?

Е.Ч. Нет, никто мне не мешал. Я вступил в Комсомол, потом в Партию. Всё это было известно. Я спрашивал маму, как мне написать? У нас есть и дворяне, купцы, почетные потомственные граждане, родословная сложная. Она сказала: «Пиши, что ты из деловых кругов». И вот я помню, что мне генерал здорово помог, когда я кончил Военный институт иностранных языков в 1949 году с отличием, и меня распределили в адъюнктуру. И вот меня спрашивает начальник политотдела: «А вот вы написали, что вы из деловых кругов. Что это за деловые круги?» Генерал Ратов, который очень хорошо ко мне относился, говорит: «А разве вам не встречалось? Извозчик, полотёр, они не писали, что они из извозчиков, они писали: «делом занимался, из деловых кругов», это раньше так принято было писать. И даже рот не дал мне открыть.

А.К.: То, что сейчас меняются точки зрения, сама риторика разговора о войне — всё это вызвано чем? Либерализацией нашего общества, общечеловеческими ценностями, или это некое сознательное «вбрасывание» определённых западных историков, стремящихся пересмотреть итоги Великой Войны (например, показать, что определяющую роль играли союзники)?

Е.Ч.: Это одна из причин. Никаких общечеловеческих ценностей не существует. Но в данной ситуации им ненавистна великая держава Россия. Всё-таки Великая Отечественная война — это был апогей советской власти. Апогей ее величия,

возможностей.

А.К.: Даже многие из эмигрантов повернулись во время войны к Советскому Союзу.

Е.Ч.: Ни один народ в мире не имеет такой Великой Победы, когда страна изначально была на грани поражения. Любая война вообще состоит из побед и поражений, ведь только первого не бывает. Но поражения стали страшно раздувать. И очень выгодно говорить о том, какой ценой и так далее...

А.К.: Некоторые знаковые события и подвиги той войны сейчас оспариваются, так, к примеру, говорится, что героев-панфиловцев не было и т.п.

Е.Ч.: Есть книга ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН Г.А. Куманёва «Подвиг и подлог», где как раз происходит борьба за эти подвиги, за память о них, вопреки многим препятствиям, сопротивлению должностных лиц и инстанций, называющих эти деяния бессмысленными, никому не нужными. Эта книга вышла в 2007 году, но тиражом всего в 1000 экземпляров. Куманёву удалось добиться реабилитации и восстановления в звании Героя Советского Союза одного из 28 героев-панфиловцев, чудом уцелевшего в бою под Москвой, оклеветанного, обвиненного в сотрудничестве с немцами. Он пишет: «Под флагом борьбы за правду ... стала распространяться очередная ложь, в основе которой нередко лежит стремление отдельных авторов нажить себе дешёвый политический капитал и известность на антипатриотической пропаганде, на бесчестных сделках с собственной совестью».

А дальше можно вспомнить книгу «Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь», которая опубликована в 2009 году. Она была подготовлена группой специалистов из Генерального штаба и Министерства обороны под руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева и генерал-майора А.В. Кирилина. Здесь чёткий подсчёт: почти равные потери были боевые, военные. Но немцы уничтожали и гражданское население, и не только евреев, также славянские и другие народы нашей страны. А мы на территории Германии были всего два месяца и притом не ставили целью уничтожение населения. Эта

известная цифра — потеря в 26 миллионов с нашей стороны — её можно понять как погибших на поле боя. Но это не так. Боевые потери вооруженных сил Советского Союза составляли 11, 4 млн. Потери Германии — 8 млн., а вместе с союзниками — 10, 3 млн. Но если сравнить общие безвозвратные демографические потери, то Советский Союз потерял примерно в два раза больше. Все эти цифры нужно уточнять, поэтому такая книга очень ценная. Над ней работали в течение 20 лет, это трудоёмкое научное исследование.

А.К.: А вам пришлось быть на территории Германии, в Европе?

Е.Ч.: Когда меня перевели в разведотдел, я какие там только должности не исполнял. Я был человеком у всех на виду – мальчишка, который знал немецкий язык. Я тогда уже довольно образованный был и генерал нашего авиационного дивизионного корпуса Резерва Главного Командования (таких три было) брал меня с собой на разные совещания, которые проводил И.Х.Баграмян, готовили операцию «Багратион», потом Черняховский, я все это записывал, умел писать боевые приказы. Бомбардировочный наш корпус сопровождал 5-ю Гвардейскую танковую армию генерала Ротмистрова, главную силу, которая брала Витебск, потом Смоленск, потом Литва, Паневежис. В октябре 44-го наша армия подошла к Кёнигсбергу, готовили штурм. Генерал-лейтенант В.А. Ушаков, командир корпуса, ко мне относился как к родному, мы два года с ним прошли бок о бок, всегда вместе. Я ещё в 42-м был сержантом, хорошо знающим немецкий язык. У меня до сих пор есть командировочное удостоверение: «С получением сего срочно явиться в управление ВВС Третьей Ударной армии». И я туда отправился. И там уже были сбитые немецкие летчики, они сидели в подвале, некому было их допрашивать. Сбивали их так, чтобы они сели потом. Помню, был первый пленный, с которым мне довелось работать. Его звали Альфред Бехер, оберфельдфебель. И это был мой дебют. Я по-немецки читал Шиллера, Гёте, Гейне, сейчас помню эти немецкие стихи и могу их читать без запинки, настолько с материнским молоком они впитались. Он был такой фашист здоровый, верзила, сказал, что ничего говорить он не будет, потому что давал присягу фюреру. Это

был первый пленный, которого видели, и все наше командование собралось, и даже командующий ВВС Третьей Ударной армии. Тогда еще авиация подчинялась наземным армиям, и было управление ВВС Третьей Ударной армии генерала Пуркаева. Это только в мае 1942 началась реорганизация, был приказ о создании отдельных воздушных корпусов, армий. Управления при наземных армиях стали соединяться в воздушные дивизии, корпуса, армии. И было создано несколько корпусов Резерва Главного Командования. И вот командующим бомбардировочным корпусом и был генерал Ушаков Истребительным корпусом командовал генерал Савицкий (дочь его летала в космос). Белецкий командовал штурмовиками.

А.К. Удалось вам тогда пленного расколоть?

Е.Ч. Он сказал» Я отвечать ничего не буду, я потерял ориентировку, была плохая погода, я за это понесу наказание, но придет весна, наша армия начнет наступление, займут Москву, и больше я ничего говорить не буду». И он посматривал на всех как затравленный волк, и на меня в том числе, он был примерно на голову выше меня, а я был мальчишкой 20-летним. И тогда полковой комиссар Ивлев говорит: спросите у него, зачем Гесс перелетел в Англию. Гитлеровский ближайший помощник полетел в Англию, чтобы уговорить их заключить сепаратный мир против Советского Союза. Он сказал, что ничего не знает об этом. Я спросил разрешения: раскачать его. Как? Мы же воевали не с великим немецким народом, не с его культурой, а с фашизмом, который немцев оболванил. И я ему это и сказал, и чтобы доказать, прочитал ему стихи Генриха Гейне (читает по-немецки «Лорелею» Гейне). У него губа отвисла, и он смотрел на меня такими удивленными глазами. И потом он все время смотрел на меня совершенно по-другому, не с той злобой, с которой смотрел на офицеров. Нас интересовал аэродром в Кенигсберге. Мы тогда еще не думали о Кенигсберге, но этот аэродром был базой, которая подпитывала все немецкие эскадры, которые воевали на Калининском и Северо-Западных фронтах. Но его коллеги, которые с ним летали, молодые ребята, они нам потом рассказали. Они были из ГВФ,

гражданского воздушного флота мобилизованы. Штурман, техник и радист. Они присяги не давали и все нам рассказывали, даже начертили карту аэродрома в Кенигсберге. Он сказал: «Я говорить ничего не буду, но начнется весна, и вы еще почувствуете силу наших ударов». Потом, уже после войны, мне Ушаков сказал одну вещь, которая очень сильно на меня повлияла. Я часто заходил к нему в Ленинграде, он был начальником Военно-воздушной академии, потом вышел в отставку, жил на проспекте Суворова. Коньяк появлялся, и мы говорили о войне. И как-то он вспомнил о пленном немце и сказал: «Если бы наши пленные вели себя так же, как он вёл себя в плену, то может быть немцы не дошли бы до Сталинграда». Помню эти его слова.

А.К.: А что с ним потом было, не знаете?

Е.Ч.: Наш штаб находился в городе Торопце. Вечером танцульки у нас были, девчонки, я совершенно по-другому почувствовал жизнь. С озер замерзших взлетали самолеты, никаких аэродромов нет, зима. Сержант с автоматом, который пленных приводил, он был ещё и заведующим трофейным складом в сарае. Я спрашивал у него немецко-русский словарь, самогон ему привез как-то, мы с ним потом подружились. Я его спросил про Альфреда Бехера, знает ли он, что с ним произошло. Он рассказал мне следующее. В Торопец каждое утро прилетала девятка немецких юнкеров, и бомбили вокзал железнодорожный, потому что в Торопце был перевалочный пункт, дальше поезда не ходили, на Великие Луки ездили только машины и подводы, там был уже рядом фронт, слышна была стрельба. Наши истребители не могли их достать, тогда «ишаки» были. Когда они начали в очередной раз бомбить, этот пленный немец начал аплодировать, это заметил караульный. И при попытке к бегству его застрелили из автомата. Я даже не стал этого говорить Ушакову, у него с сердцем было плохо, его нельзя было волновать. Но это сильный был немец.

А.К.: Ещё возникает вопрос, скорее методологического характера. У ряда историков есть сейчас такая точка зрения: «Ни в коем случае нельзя говорить, что мы воевали с фашизмом, потому что мы воевали с нацизмом. Фашизм — это

совсем другая идеология, это в большей степени относится к Италии». Как вы считаете, мы можем сегодня говорить о победе над германским фашизмом, или должны как-то скорректировать понятия?

Е.Ч.: Отчасти так оно и есть. Но просто само слово «фашизм» потом стало применяться не только относительно Муссолини, оно стало восприниматься в более обобщённом смысле. Сам себя немцы вообще называли национал-социалистами, но для нас тогда они были единым враждебным миром...

А.К.: Т.е. В армии, на фронте их называли фашистами?

Е.Ч.: Да, фашисты, фрицы. Фрицы — это что-то вроде, как они говорили, русских «Иванов».

А.К.: А в Параде Победы вы участвовали? ²⁸ кумке

Е.Ч.: Конечно, я старшим лейтенантом в Параде Победы участвовал. Жалко, что нам не выдали тогда красивую форму. Это же было сразу после войны, ничего не было. Я ушёл из армии в 56-м подполковником, тогда мне уже присвоили полковника.

А.К.: У нас журнал посвящён не только войне, но и теме памяти. Это тоже целая проблема — историческая память, как она транслируется, передаётся. Пока ветераны ещё живы, могут еще рассказать, слава богу.

Е.Ч.: Видели «Книгу памяти»? Она вышла к 50-летию Победы. Мне Говоров вручал эту книгу. Первая часть — полководцы. Вторая часть - «200 известных деятелей, участников ВОВ». Здесь обо мне статья есть, мне было, конечно, очень приятно, они же сами выбрали. Я был тогда уже академик-секретарь, член Президиума Академии, и вот они выбрали меня.

А.К.: А как вы относитесь к тому, что на парадах 9 мая мавзолей задрапирован триколором, и руководство не поднимается больше на трибуну мавзолея, стоит на специально сооруженной рядом трибуне. Вы считаете, это правильно?

Е.Ч.: Я к этому отношусь с пониманием. С пониманием того, что мы живём в обществе, в котором много противоречий. Очень много разных направлений: и либерально-демократическое, и национально-патриотическое, и каких там ещё

только нет. Я думаю, то, что сейчас делается, делается для того, чтобы «не дразнить гусей», т.е. не обострять противоречий между этими позициями, делается это в какой-то степени верно. Я тут посмотрел две передачи, мне они понравились. Одна из них — круглый стол, который ведёт В.Т.Третьяков. И там директор Института российской истории — чл.-корр. Сахаров — говорил о том, надо ли нам и дальше усиливать процесс десталинизации. Надо ли вынести какой-то вердикт, что имя Сталина не совмещается с нашим государством, с Победой, что он больше сотворил зла, чем пользы и т.п. Большинство, конечно, придерживались именно этой точки зрения. И вот Третьяков — а он же был приближён к нашим либерально-демократическим структурам — сказал, подводя итоги, что проводить десталинизацию и отказываться от Сталина как Верховного Главнокомандующего можно только тогда, когда произойдут какие-то события в нашей стране, которые по своему значению и величию хотя бы приблизятся к Великой Победе. Ещё очень сильно выпячивается колоборационизм. Якобы власовцы боролись не против русского народа, а против сталинского режима. Другой ведущий, журналист — Млечин - который тоже сам из либеральных кругов, очень чётко сказал, что это всё предатели Родины, и даже Гитлер не доверял власовским подразделениям и Власову, потому что предатели могут предать снова, ещё раз. И Деникин, и Кирилл Владимирович, который считался нашим Государем в изгнании, и Бердяев, и многие другие русские эмигранты не хотели идти ни на какие контакты с власовцами. А те-то как раз хотели привлечь на свою сторону известных людей. Но война-то была не против режима, она была против России. Мы мешали Гитлеру не как коммунистическая идеология, а как держава, стоящая на пути к его мировому господству.

А.К.: Конечно. Идеологии как раз во многом сходны. А сейчас какие-то попытки реабилитации Власова и его людей предпринимаются? Вот вышла книга прот. Георгия Митрофанова, который много спорит на эту тему.

Е.Ч.: Некоторые делают такие попытки. Очень быстрый всё-таки произошёл перелом. Когда возникла идея проведения Конгресса соотечественников, в 91-92

годах, начиналось при Горбачеве, а потом Ельцин проводил, я был академик-секретарь отделения литературы и языка. В Москве был в 91 году Конгресс соотечественников, это было впервые после враждебного отношения властей к «гнилым эмигрантам». Тогда руководство страны обратилось к Марчуку, он уже был тогда президентом РАН, чтобы создали в Академии Комиссию по разработке научной программы Конгрессов. Меня сделали председателем этой Комиссии, туда входили Панченко, Лихачёв, Алфёров, Толстой.. И я поехал в Париж, чтобы установить контакты с нашими эмигрантами. Перед тем, как туда ехать, разговаривал с Филатовым — он был руководителем администрации у Ельцина. Он очень толковый человек, я знал хорошо его отца, он был член Союза Писателей, работал на заводе «Серп и молот», много сделал для распространения наследия Есенина и мы с ним очень часто общались вокруг есенинской темы, отдыхали вместе. И я ему сказал тогда: «Эмигранты же у нас очень разные есть, есть активные борцы против СССР». Он мне сказал: «Делайте так, как считаете нужным, главное, чтобы они приехали на Конгресс. Нам не важны идейные расхождения, которые между ними существуют». И я со всеми с ними встречался. И с НТС-овцами встречался, и с бывшими власовцами. Конечно, они настаивали на том, что Власов воевал не с русским народом, а с советским режимом. Но как это можно было отделить друг от друга? У нас действительно был мощный синтез коммунистических и национально-патриотических идей.

А.К.: А как вы думаете, этот синтез был искренним? Или это была технология, так как Сталину были нужны какие-то духовные опоры?

Е.Ч.: Тут трудно сказать. Некоторые сейчас говорят, что Сталин знал об иконах, которые вокруг Москвы проносили, и что он чуть ли не молился, оставшись один. Но документально нигде это не подтверждено. Была большевистская идеология, классовая борьба, гражданская война ещё не кончилась. В течение всего сталинского тридцатилетнего режима никто не подписал никаких мирных соглашений об окончании гражданской войны. Она закончилась только тогда, когда Врангель был вынужден эмигрировать и передислоцировать все свои войска

в Константинополь, а потом уж и по всему миру, общевойсковой союз организовал. Но гражданская война продолжалась, только другими методами. И не только без вины сажали людей, но тех, которые реально старались изменить нашу социально-экономическую формацию. Вот недавно передавали фильм о Тухачевском, где показано, что Сталин не параноик какой-то был, как реально созрел заговор среди военных. Тухачевский встречался с Калининным, с Будённым, уговаривал их принять участие в каких-то акциях против Сталина и советской власти, и он метил на пост руководителя государства. Хотели того режиссёры или нет, но получилось так, что Тухачевский действительно готовил заговор, и то, что Сталин пресёк этот заговор — зачем накануне войны внутренние проблемы в высшем командовании? Так что эта проблема требует очень серьёзного внимания.

А.К.: Это как раз можно понять. А вот то, что к 43-му году на свободе осталось только 4 епископа Русской православной церкви? Ведь Сталин «почистил» не только армию, но фактически попытался истребить церковь.

Е.Ч.: Это у него воспоминания о гражданской войне. Я бы не хотел обелять Сталина ни в коем случае. Но во время гражданской войны церковь поддерживала, естественно, не красных, а белых. Тоже об этом однозначно судить довольно сложно. Ещё раз повторяю, это не оправдание, это попытка проникнуть в психологию Сталина. И потом, церковь была символом России — дореволюционной, монархической. Учёным нужно спокойно разобраться, с документами, где правда, где вымысел, где умышленный фальсификации, где просто ошибки. Ведь действительно, во время войны руководство совсем по-другому стало смотреть на религию, на Православную церковь. Например, митрополит Алексей I во время всей Ленинградской блокады служил в православном храме в Ленинграде, люди ходили на богослужения. Наряду с тем, что там был Тихонов и Ольга Бергольц. Примеров вообще здесь множество, многие из них известны. Был у нас поэт замечательный, его почему-то мало сейчас знают, Алексей Недогонов, он получил Сталинскую премию в то время за

поэму «Флаг над сельсоветом». В конце войны он написал стихотворение «Храм святого Николая на Шипке»:

Я к храму шёл боями славы,
Сквозь Сталинград, сквозь огонь и дым,
И я оружием добыл право
Стать на колени перед ним.

Понимаете? Это как о Блоке сказать, о поэме «Двенадцать»: что он больше воспевал, как наши матросы идут державным шагом? И в то же время, еще до первой мировой войны он писал в одном стихотворении:

Всё ли спокойно в народе?
Нет, император убит
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.
Все ли готовы собраться?
Нет, каменеют и ждут.
Кто-то велел дожидаться,
Бродят и песни поют.
Кто он, народный смиритель?
Тёмен иль зол, иль свиреп?
Инок у входа в обитель
Видел его и ослеп.
Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада.
Посохом гонит железным
Боже, бежим отсюда ...

И в то же время поэма «Двенадцать». Это поэт. Его приятие революции было романтическим и через христианские символы. Это противоречие русского сознания, попытка осмыслить происходящее. Сегодня одно, завтра другое. Сейчас много спекуляций, например, на тему, что 7-я симфония Шостаковича не связана

с героическим духом ленинградских блокадников, а связана скорее со сталинскими репрессиями. Сам Шостакович говорил о том, какое мужество он наблюдал вокруг себя, это, в свою очередь, очень сочетается со стихотворением Анны Ахматовой «Мужество», написанным в 1942-м.

А.К.: В музыке вообще бессмысленно искать прямое отражение смыслов. Всё-таки композитор, художник пишет то, что он чувствует.

Е.Ч.: А дальше люди додумывают, перекраивают, пытаются представить в новом свете, не сообразуясь с фактами, вольно. Вот есть у Пастернака стихотворение «Победитель»:

Как он велик! Какой бессмертный жребий!

Как входит в цепь легенд его звено!

Всё, что возможно на земле и небе,

Им вынесено и совершено.

Это после того, как полностью сняли блокаду. Но вот совсем другой Пастернак:

А в эти дни, на расстоянии,

За древней каменной стеной

Живёт не человек — деянье,

Поступок ростом в шар земной.

В «Правде» в 36 году опубликовано стихотворенье. Так что сталинская тема требует очень серьёзного подхода, не терпит одностороннего отрицания или возвеличивания. Сталин, безусловно, был великой, неразгаданной личностью. Так же как неразгаданная личность Наполеон. Наполеон еще более-менее ясно, он был полководец, он не думал уничтожать народы, он думал покорять мир, он даже не думал идеи французской революции нести, потому что он уже стал императором.

А.К.: У меня есть ещё один вопрос. Вот кончается советская эпоха, которая в каком-то смысле была инерцией Победы. Начинается новая война, война памятников. Эстония, Кутаиси. Какую позицию здесь должна занимать страна? Должны ли мы закрывать глаза? Ссылаются, например, на отсутствие у памятника

эстетической ценности, называют сё советским агитпропом. Храмы тоже при Советах сносили под предлогом их эстетической бездарности, причем так мы потеряли и ряд шедевров.

Е.Ч.: Я думаю, что на этот вопрос очень хорошо ответил Янукович. Он сказал об Отечественной войне, что «мы будем вместе отмечать нашу Великую Победу». Обещал к юбилею Победы отменить всё то, что сделал Ющенко по поводу Бандеры и националистов, которые боролись против Красной армии и, естественно, были врагами нашего государства.

А.К.: Но ведь история всегда переписывалась и будет переписываться, это совершенно нормально. Каждая власть переписывает под себя историю. Но важно, чтобы всё-таки факты оставались фактами.

Е.Ч.: Важнейшие составляющие, определившие величие нашей Победы, должны оставаться бесспорными, переписывать это невозможно. Совершенно очевидно, что в обществе, в СМИ, в художественной культуре идёт напряжённый диалог о Великой Отечественной войне. Идёт полемика и в нашей исторической науке. Сталкиваются не просто различные мнения, даются не просто различные оценки, но мнения и оценки порой приобретают полярный характер. Плюрализм мнений грозит перерасти в раскол общества, что совершенно недопустимо и неприемлемо. Ведь принципиальные разногласия по столь важной проблеме, невысказанность определяющего отношения к её решению создаёт угрозу духовному единству страны, наносит ущерб духовному потенциалу нации, усиление которого столь необходимо в сложнейший период развёртывания инновационных и модернизационных процессов. В оценке Великой Отечественной войны следует, несомненно, принимать во внимание все факторы, характеризующие это величайшее событие в истории. Но никакие расхождения во мнениях не должны принижать величие народного подвига в этой войне, приуменьшать решающий вклад нашего народа в достижение Победы, в утверждение принципов гражданственности, демократии и гуманизма на нашей планете. Какие бы новые импульсы, запросы в нашем общественном развитии не

возникали, это основное должно быть сохранено.

А.К.: Я скажу, что когда мы придумывали тему этого выпуска, она была воспринята неоднозначно. Кто-то говорил, что война — это уже неинтересно, особенно молодёжи. Мы пошли ва-банк. Война — это философское понятие, память — тоже. А вот Победа? Какое отношение она имеет к философии?

Е.Ч.: Это напрасно они так думают.

А.К.: Мы тоже считаем, что это самая что ни на есть философия. Если нет Победы, то нету скрепы национального духа. Любая историческая память — это толща родовой памяти, где каждое событие прорастает через почву многих предшествующих поколений. У меня вообще такое ощущение, что у нас патриотичная молодёжь. Гораздо более патриотичная, чем среднее поколение.

Опубликовано в: Журнал современной философии «Сократ». № 2, 2010. С.72-78.

